

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-467-485

Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1971 г. — третий сезон. Дневник этнографического отряда (продолжение: 20 июля – 9 августа 1971 г.)*

*Наталья Львовна Жуковская*¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований

0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жуковская Н. Л., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения монгольских народов. В 2018 г. в журнале «Монголоведение» были опубликованы первые страницы дневника этнографического отряда Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции, относившиеся к 1969 г. — первому сезону ее работы в Монголии. В 2019–2020 гг. публикация дневника была продолжена. Данная публикация продолжает дневниковые записи этнографического отряда, теперь это полевой сезон 1971 г., в них идет речь о встречах с учеными разных стран в Улан-Баторе, о работе в центральных и западных аймаках Монголии.

Ключевые слова: Монголия, историко-культурная экспедиция, Улан-Батор, сомоны Булган, Тарят, Шинэ-Идэр, Тосон-Цэнгэл, Сайхан, город Мурэн, наводнение

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1971 г. — третий сезон. Дневник этнографического отряда (20 июля – 9 августа 1971 г.) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 3. С. 467–485. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-467-485

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1971 — Season Three. Diary of the Ethnography Research Team (July 20 –August 9, 1971)

*Natalia L. Zhukovskaya*¹

* Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б; Жуковская 2019в; Жуковская 2020; Жуковская 2021].

¹ Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asiatic and Pacific Studies

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhukovskaya N. L., 2021

Abstract: The *aim* of the present article is to introduce the new data on the history of ethnographic studies of Mongolian peoples. In 2018–2019, *Mongolian Studies* published abstracts from the diary of the ethnographical team of the Soviet-Mongolian Complex Expedition for Historical-Cultural Studies; the publications deal with the year 1969, the first season of the Expeditions' work in Mongolia. The 2020 article in *Mongolian Studies* includes the materials of the diary that deal with the next field season in Mongolia in 1970. This article continues the series of ethnographical diary publications and deals with the third season in 1971, focusing on meetings with scholars from different countries in Ulan-Bator and the Expedition's work in the central and western *aimaks* of Mongolia.

Keywords: Mongolia, Expedition for Historical-Cultural Studies, Ulan-Bator, the somons of Bulgan, Tariat, Shine-Ider, Toson-Tsengel, Saikhan, the town of Muren, flood

For citation: Zhukovskaya N. L. Soviet-Mongolian Complex Expedition for Historical-Cultural Studies: Diary of the Ethnographical Team, third season (20 July – 9 August 1971). *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13 (3): 467–485. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-467-485

* * *

20 июля, вторник. В 12 часов по местному времени прилетела в Улан-Батор. На сей раз, как ни странно, встречающие оказались на месте — Бадамхатан и Шинэхуу. Тут же в аэропорту встретила знакомых по прошлому году супругов Харченко Григория Григорьевича и Нину Степановну. Оказывается, они встречали моего соседа по самолету Попова Григория Ивановича, ехавшего по линии комитета информации. Тут же оказался и Володя Будаев, который в МНР всего на неделю и в данный момент летит в Сухэ-Батор. Таможенный досмотр на сей раз оказался формальностью, и вскоре меня уже привезли в симпатичную гостиницу. «Баян-гол» (7 этаж, 69 комната, телефон, трюмо и т. д.). Есть душ, но нет горячей воды. Выше третьего этажа она не поднимается. Первая встреча с монгольскими коллегами Бадамхатаном и Шинэхуу прошла в деловом темпе. Посидели, выпили — неизменная традиция первых минут встречи. Впрочем, как показал мой многолетний экспедиционный опыт, рюмка водки после бессонной ночи помогает продержаться до позднего вечера и тем самым перестроиться во времени в течение одних суток, а между Москвой и Улан-Батором все-таки пять часов разницы. Пришла Нора Новгородова, сходили вместе с нею в столовую. Дважды приходила Энхтуя, жена Бадамхатана, какая-то нервная и расстроенная. Он много пил и, наконец, после долгих уговоров ушел домой. После столовой зашли на нашу экспедиционную базу, встретили Марка Гольмана и Галю Слесарчук, которые временно там живут, попили с ними чай. Затем обе пошли к нашим старым друзьям Елене Михайловне Штейн и Даваацэрэну. И лишь под вечер я добралась до гостиницы и улеглась спать.

21 июля, среда. 22 июля, четверг. 23 июля, пятница. Все эти дни прошли в хозяйственно-экспедиционных хлопотах. Водители подготовили машины к выезду в поле. Разобрали имущество отрядов. Я нанесла визиты монгольским коллегам (Цэрэнханд, Цэрэннадмид). Многие, кого надо увидеть, в отпусках (Жугдэр, Сухэбатор, Пурэвжав) — с ними придется связываться по возвращении. Бадамхатан не приготовил ту статью, которую ему заказала «Советская этнография» — ее не пропустил Ученый совет Института истории МНР. Может быть, что-нибудь сделаем вместе. Посетили Советскую торгово-промышленную выставку. Она открыта уже 3 недели. Ее обслуживает около 100 советских специалистов. Заместитель директора выставки — монголовед Владимир Викторович Грайворонский. Выставка неправдоподобна, как все советские выставки такого рода (шубы, изделия из кож, модные туфли, кофты и костюмы из натуральной шерсти и т. д., т. е. все то, что в Союзе купить в магазине невозможно). Много всякой связанной с космосом техники.

Посещали выставку всем советским коллективом: Новгородова, Гольман, Слесарчук, Устинов, Ира Потемкина (ИДВ), Грайворонский, Лена Штейн, Даваацэрэн. После нее зашла в Музей изобразительного искусства, посмотрела выставку, посвященную 50-летию МНР. Картины в национальном стиле (*монгол зураг*) очень интересны. Затем прогулялась по городу, отметила, что Улан-Батор интенсивно строится. Это заметно даже по сравнению с прошлым годом. Появилось новое здание Музея революции (он еще не открыт). В дар Монголии останется павильон Советской торгово-промышленной выставки, растут микрорайоны. Переехало в новое здание советское посольство.

24 июля, суббота. С утра весь научный состав экспедиции приехал в Институт истории МНР. Вместе с Сэр-Оджавом, заведующим сектором археологии, и Гонгором, ученым секретарем Института истории АН МНР, утрясали маршруты отрядов и их состав. До сих пор не ясно время приезда отряда А. П. Окладникова. У остальных все четко и вроде бы ясно. Для меня сюрпризом оказалось то, что в этом году вместе с этнографическим отрядом на одной машине поедет и отряд, изучающий тюркские рунические надписи, правда, в лице одного Шинэхуу. Не знаю, как мы соединим два разных маршрута на одной машине, но попробуем, раз этого требуют интересы экспедиции. Кроме того, меня предупредили, что характер у Шинэхуу весьма непростой. В понедельник обещают оформить все, что касается монгольской стороны (деньги, сопровождающих и т. д.). После обеда распределяли имущество по отрядам. Провозились весь вечер, но зато теперь машины загружены и отряды к выезду в поле готовы.

25 июля, воскресенье. С утра попила чай у своих соседей-геологов — Бориса Ивановича Шокорова, заместителя по АХЧ начальника геологической экспедиции АН СССР, и Жени Девяткина, начальника одного из 20 отрядов этой экспедиции. Потом с фотографом нашей экспедиции Юрой Устиновым пошли на базар (*зах*). Походили около часа, тут начался жуткий ливень, и весь базар немедленно, бросив свои торговые места и продаваемое имущество, попрятался под всеми ближайшими прикрытиями, в том числе под навесом над входом, так что ни я, ни Юра, ни примкнувший к нам Бадамсэрэдж не могли никак из этой плотной толпы выбраться. Мой плащ и Юрин зонт (новый предмет увлечения жителей Улан-Батора — корейский зонт-трость, автоматически открывающийся) спасли

нас сверху, но снизу мы основательно промокли. Наконец, выбравшись с базара, мы шли по сплошным уличным потокам. Дошли до квартиры, где останавливаются супруги Виталий Волков и Нора Новгородова, в надежде найти какую-нибудь обувь. Мне дали сапоги, и я после обеда опять отправилась на базар. Он работает только два дня в неделю — по субботам и воскресеньям, и я не уверена, что в конце следующей недели еще буду в городе, а не уеду в поле. После дождя всю светило солнце, и базар жил оживленной жизнью. Прямо на земле среди луж шла оживленная торговля. На мою сумку поглядывали с любопытством — нет ли в ней чего-либо интересного, подходили и спрашивали детскую обувь, рубли, доллары. Продают много часов, но покупают их, кажется, неохотно. Продавал часы, в частности, и один русский. Бойко идут китайские серебряные монеты по 15 тугриков штука, обувь всех размеров (есть очень хорошая), дэли всех расцветок, монгольские сапоги. Продавался довольно хороший монгольский мужской поясной набор, но с плохим ножом, а также курительные трубки, книги, утюги, сосуды для чая (*домбо*) маленькие, средние и большие.

С базара пошла в монастырь Гандан (его полное название Гандантекчин-линг). Там заканчивалась служба, шедшая с утра. Присутствовала при выносе балинов разных размеров, всего 4 (самый большой размером в 60 см, самый маленький 15–20 см). При этом всех зрителей, а их гораздо больше, чем молящихся (последних, впрочем, тоже много), попросили покинуть храм. Когда служба закончилась, ламы стали выходить один за другим и каждый нес в правой руке кулек, а левой прижимал к себе свою ламскую шапку. Из кульков торчало печенье, спички, конфеты — это обычные виды жертв, приносимые верующими. Гомбожав — глава буддистов Монголии выглядел измученным и кульков не нес. Голубей, по-прежнему, так же много, как в прошлые годы. После посещения базара и Гандана я зашла на нашу базу, посидела с Марком Гольманом, попили чай, и я отправилась в гостиницу. Вечером ко мне зашел мой сосед, геолог Женя Девяткин. Мы с ним проговорили два часа о судьбах науки и советских специалистов в Монголии, я много рассказывала о религии, о ламаизме, о том, что можно увидеть в районах. Он, в свою очередь, рассказал, что был несколько лет назад в Улгий-хийде — громадном заброшенном монастырском поселке на юге Восточно-Гобийского аймака, к юго-западу от центра аймака Сайн-Шанды. Бывший монастырь находится в песках и примыкает к скальному массиву. Вокруг остатки полуразрушенных зданий монастыря, несмотря на разрушение, многие конструктивные детали видны до сих пор. Под слоем песка геологи наткнулись на большое пепелище, разгребли его частично и обнаружили массу глиняных статуэток будд с отбитыми головами. Они собирали отдельно туловища, отдельно головы, потом подгоняли их друг к другу. Ночью этот мертвый город производил жуткое впечатление, и Женя ходил по нему с оружием. Наметила для себя когда-нибудь побывать в этом экзотическом месте.

26 июля, понедельник. С утра поехали на базу геологов, простились там с Девяткиным, который отбывает в поле до конца сентября. Потом поехали в Институт, составили там программы, маршруты и финансовые сметы. Затем проехала домой к обоим Цэрэн (Цэрэнханд и Цэрэннадмид), оттуда в магазин, на базу и в гостиницу. Впервые по-человечески, а не на ходу-лету пообедала в столовой гостиницы «Баян-гол». Потом пошла в книжный магазин, оттуда на

почту, затем к Лене и Даваацэрэну (немного повспоминали общих знакомых), оттуда на базу ждать Виталия Волкова. Он прибыл поздно, так как чинил машину. Было устроено коллективное чаепитие у Гольмана, Виталий делил еще не доразделенное имущество между разными отрядами, в том числе такое важное, как спирт — лучшая валюта во время поездок по отдаленным районам Монголии. Потом он всех нас развез по домам и гостиницам.

27 июля, вторник. Уже неделя как я в Монголии, а как-то все по-прежнему неясно. От Цэрэнханд и Шинэхуу требуют какие-то расширенные программы, которые не требовались в предыдущие два года. Шинэхуу занимается этим, а также готовит к печати монографию академика Нацагдоржа, так что у него дел хватает. Сделали с водителями и Гольманом объезд магазинов с целью закупки продовольствия в дорогу — угнетающие зрелище, что в наших, что в монгольских. Вечером встретила на улице польского учёного Витольда Евгеньевича Дыновского. Он прилетел несколько дней назад и тоже собирается в экспедицию, а его спутницы Дануты Марковской еще нет, он ждет ее прилета из Варшавы и постепенно акклиматизируется. Вечером зашла к нему с Норой Новгородовой и Виталием Волковым, поговорили «за жизнь», «за науку» и т. д.

28 июля, среда. Выясняется, что завтра уехать мы не сможем: Шинэхуу еще не закончил свои дела. У отряда Волкова тоже что-то не ладится. В общем, двух недель сидения в городе никак не миновать. Произвели объезд магазинов в поисках пятнистых кожаных юбок (последний писк моды) — в конце концов каждому по юбке досталось. Вечером устроили милые посиделки у Гольмана на базе в связи с завершением дележа имущества. Развозит всех по домам все тот же Волков.

29 июля, четверг. И этот день тоже весь ушел неизвестно куда — какие-то хозяйственные хлопоты, выяснение до сих пор невыясненных вопросов. К вечеру «приятный» сюрприз: разнеслась весть, что на Селенге наводнение, что весь Хубсугульский аймаг залит водой, снесло паромы и переправы, добраться туда невозможно и т. д. Бросились в Академию с намерением сменить маршрут, но ничего не вышло. Оказывается, деньги для нужд нашего отряда уже переведены в госхоз Тариат — первый пункт работы на нашем маршруте. Так что теперь иного пути у нас нет — ехать только туда и добывать эти деньги. В городе холодно. Тулупы (дохи на козьем меху), которые мы просили в Академии, нам не дали. Говорят, что дают их только осенью, начиная с октября. То, что в Хубсугуле осень начинается намного раньше, никого не касается. Монгольское начальство, которое мы встретили в Академии, нас успокоило, дескать, дороги в Хубсугуле вообще плохие, но ничего — проехать можно.

30 июля, пятница. Утром делаем закупку продовольствия в дорогу (масло, мука, консервы, чай, хлеб). Договорились в институте с Шинэхуу и Цэрэнханд о выезде завтра, в субботу, в 9 утра, а с 8 до 9 мы с водителем Мишей Смирновым на машине заедем за каждым из выезжающих. В 3 часа дня выяснилось, что Шинэхуу, очевидно, не сможет выехать до понедельника. Я в расстройстве и недоумении — это частое мое состояние в Монголии. К вечеру я впала в прострацию и решила: будь что будет.

31 июля, суббота. С утра опять все изменилось. В 7 часов 30 минут позвонил Шинэхуу и объявил, что выезжаем в 13 часов дня. До середины дня

пребываем в чемоданном настроении все: я и водитель Миша у себя в гостинице, Цэрэнханд — у себя дома, Гольман и Слесарчук — у себя в гостинице. В оставшееся свободное время я зашла к Дыновскому, он по-прежнему живет надо мной этажом выше в «Баян-голе», поговорили с ним о судьбах польской этнографической науки и о задачах его поездки в этом году. Я подарила ему несколько оттисков своих работ, договорились о совместном обеде в ресторане «Улан-Батор» в 14 часов, если я не уеду.

В 12 часов дня выяснилось, что мы все-таки едем. С 13.30 до 15 часов удалось в несколько приемов погрузить всех едущих, и в 15.30 этнографический отряд двинулся в путь. В его составе руководитель отряда с советской стороны — Н. Л. Жуковская, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института этнографии АН СССР; с монгольской стороны — М. Шинэхуу, младший научный сотрудник, и Г. Цэрэнханд, младший научный сотрудник Института истории АН МНР. В качестве попутчиков до Мурэна с нами едут Галина Слесарчук и Марк Гольман (оба сотрудники Института востоковедения АН СССР, у них своя программа работы). Машина Газ-51, МКД 83-73. Шофер М. Д. Смирнов.

Дорога долгое время шла по тракту на Дархан. Но ехать по нему практически было невозможно. После прошлогоднего визита в МНР маршала Гречко расквартированные в Монголии русские воинские части ремонтируют дорогу. Почти вся трасса залита битумом, поэтому почти все время приходилось ехать в объезд. Часов в 8 вечера прибыли в госхоз Жаргалант. В 12 км от центральной усадьбы госхоза находится одна из бригад, где живет сейчас жена Шинэхуу и трое его детей. Заехали туда. Высадили там всех наших пассажиров (трех мужчин, одну женщину и двух детей) — каких-то родственников Шинэхуу, которых он, не говоря нам ни слова, в последний момент посадил в машину. Жена у Шинэхуу удивительно симпатичная. По непременно соблюдаемой традиции выпили у нее чаю и вернулись в центр госхоза. Там устроились в шикарной гостинице, с настоящим умывальником, настоящим туалетом и даже смогли включить кипятильник и попить настоящий московский чай. Шинэхуу на ночь уехал к жене, пообещав приехать в 6 часов утра и нас всех разбудить. Вечером весь состав экспедиции мило посидел за чаем и чачей, грузинской виноградной водкой, которую я привезла из Москвы.

1 августа, воскресенье. К 9 утра мы уже не только встали, но и поели в столовой при гостинице. Вот что значит госхоз: яйца, курица, баранина — все на высоте. Выехали в направлении сомона Булган. Шинэхуу заверил нас, что до него всего 220 км, оказалось — около 300 км. Дорога была хорошая, но довольно безлюдная. Где-то впереди наводнение, и народ не рискует ехать по этой трассе. За весь день мы встретили только две машины. Погода прекрасная, и хочется верить, что все будет хорошо. В полдень мы остановились передохнуть и перекусить. Тут на наших глазах разыгралась трагедия естественного отбора. Три дикие собаки загрызли молодого барсука. Он еще дышал, когда мы его отбили от них, но вскоре затих. Собаки убежали, мы сняли с барсука шкуру, подвесили тушку его в машине и двинулись в путь. Хотелось есть, но Шинэхуу отсоветовал останавливаться, говоря, что скоро будет река Орхон и сомон на переправе — там мы и поедим. Но вместо обещанных 20 км мы проехали 40 км и выехали

не к Орхону, а к реке Толе, на переправе не оказалось никаких сомонов, только одна деревянная юрта, где жила семья хранителя переправы. Мы стали варить нашего барсука, заодно в тазу хозяев сварили лапшу и заправили ее тушенкой. Миша отказался есть лапшу, сваренную в монгольском тазу, проявив вообще-то несвойственную ему брезгливость. Зато все остальные, кроме меня, отказались есть барсука, сваренного им.

Особенно ярым врагом барсука и идеи его поедания оказался, к моему удивлению, Шинэхуу. Монголы его не едят — твердил он, отказываясь категорически пробовать. Приверженность традиции оказалась намного сильнее наших призывов и здравого смысла (пробуй, не нравится — отказывайся). На другой день он также протестовал против сбора нами шампиньонов, говоря, что их тоже не едят и что *цагаан муг* (белый гриб, так называют в Монголии шампиньоны) — это совсем не то, что мы, русские, думаем. И действительно, не то, но все равно вкусно.

Барсук оказался удивительно вкусным с нежным нежирным мясом без всякого запаха и привкуса, кроме тех обычных, что присущи дичи вообще. С удовольствием выпила бульон и съела барсучью ногу. Разыгралась неприятная сцена с хозяевами. Они просили продать им тушенки и хлеба, так как живут они в 100 км от сомона и у них ничего нет. Тушенки мы им продать не могли, так как у нас не было лишней. Было очень неудобно, так как на их глазах мы заправили ею лапшу. Отдали им одну банку тушенки и одну буханку хлеба, хотя и понимали, что этого им мало.

Двинулись дальше в путь на Булган. Испортилась погода. Полил дождь, затем пошел град. Километров через 60 проехали бригаду, а еще через 20 км — реку Орхон и въехали в Орхон-сомон. Нашли повара и хозяйку гостиницы. Все женщины есть отказались, а мужчины героически загрузили в себя ужин. Кроме того, нас ожидал еще один сюрприз — драгоман советского посольства Юрий Ивахин, который в этом сомоне проходил двухмесячную практику по языку. Объединенными усилиями (моя привезенная из Москвы грузинская чача, его купленная в монгольском магазине черная икра и в русском магазине свиная тушенка, а также наш барсук) создали застолье, отметили знакомство и будущие успехи экспедиции, а после 11 часов вечера, когда выключили свет, сидели при свечах, которые в сочетании с чачей и черной икрой рассматривались как великолепный экзот. Разошлись около первого часа ночи.

2 августа, понедельник. Утром не хотелось вылезать из-под шикарных шерстяных одеял, украшенных изображением бараньих рогов. Отличный завтрак приготовил местный китайский повар: свежая жареная баранина с лучком и чесночком и яичница. И гостиница, и завтрак оказались очень дешевыми (завтрак 3.20, гостиница 6.00 тугриков с человека). После завтрака уложили вещи и двинулись на Булган. До него отсюда 25 км.

В Булгане заправили баки бензином, пообедали, на автостанции узнали, что ни одна переправа через Селенгу не работает (парома на Хатхале не будет до зимы, две других переправы тоже снесло). Уже по 3–4 дня машины на Булганской автобазе ждут, когда починят переправу. Людей переправляют в Мурэн самолетом. Грузы важные идут в обход через Тосон-Цэнгэл. Этим же путем нам посоветовал ехать русский шофер из бывшего русского стройтреста в Дархане,

который уже прекратил работу в Булгане. Шинэхуу позвонил в Мурэн. Деньги туда еще не поступили. Когда поступят, неизвестно. В краеведческий музей мы не попали, *бумхан* (часовню) Максаржава, как и в прошлый раз, опять не увидели. Посетили то, что осталось от русского магазина, в котором, кроме одной шерстяной английской кофты, ничего не было, стоила она 140 тугриков и была необыкновенно яркого вишневого цвета.

Главный *дэлгур* (магазин) города порадовал нас куда больше. Сравнительно большой выбор английских (плащей), немецких (костюмов), польских (плащей) товаров. У нас в Москве мы что-то таких не видели. Кое-чем разжились и отправились в путь на Мурэн по обходной дороге через Тосон-Цэнгэл. Сейчас держим курс на Сайхан-сомон, знакомый нам по прошлому году. Хотя мы вроде знали дорогу, все-таки уже ближе к ночи где-то сбились с пути, сделали крюк и прибыли в Сайхан уже поздно, в 10 часов вечера. Нашли нашу прошлогоднюю хозяйку, она встретила нас очень радушно: поселила в люкс, где стоял огромный китайский сосуд с кумысом, и т. д. Через полчаса выяснилось, что, оказывается, ждут какого-то русского полковника с семьей из Дархана. Они должны вот-вот подъехать, и люкс, и кумыс — все для них. Пришлось нам срочно перебираться в не-люкс, который оказался чересчур даже не люксом. Там мы и проспали ночь, хотя Шинэхуу очень недовольно ворчал про такое нетактичное отношение к советским ученым. Он долго нас осуждал за то, что мы поздно встаем, и пообещал, что завтра поднимет нас в 6.30 утра, в 7.00 уже будет готов завтрак, а в 8.30 отправимся в путь.

3 августа, вторник. Как ни странно, в 7 утра мы действительно встали, но завтраком, конечно, и не пахло. Тоскующий Шинэхуу куда-то исчез, а тем временем за нами пришла повариха, сказав, что завтрак готов. Это оказались громадные куски вареной баранины, которые Гольман поглощал в огромном количестве и с огромным удовольствием, и бульон, жирный, но вкусный. Завтрак оказался очень дорогим, так как с нас запросили деньги за все выставленное на стол мясо, лишь 1/3 которого мы съели (обошлось по 5 тугриков с человека). Посетили сомонный музей. Мы его видели еще в прошлом, 1970 г. во время маршрута по северу Монголии, но теперь с тем же интересом осмотрели еще раз. Коллекция предметов этнографической старины собрана за счет подарков жителей сомона. Много предметов религиозного культа (клише для изготовления икон, чаши *цугу*, которые ставят на алтаре в храмах и юртах и наполняют маслом, зерном, водой и другими видами жертв, небольшие статуэтки божеств и т. д.). Тут же портреты передовиков труда данного сомона, героев войны, известных спортсменов и отличников школы. Рисунки зверей, которые водятся в Монголии (несколько непропорционально нарисованные, так что барс выглядит как кошка, суслик как заяц, а тарбаган как лев). Был среди них и барсук. Представлены также исторические документы времен создания сомона. Директор школы, который в прошлом году нас кормил тарбаганом, оказался одноклассником Шинэхуу. Он опять проводил нас в путь. Двинулись дальше на Тарят-сомон. По дороге километров через 20 подъехали к юртам спросить дорогу. А там как раз овец выводили из загона, связывали им ноги и стригли длинными ножницами. Стрижкой занимались двое мужчин и девочка. Мы радостно окружили их нашими фотоаппаратами. На это они реагировали

вполне доброжелательно. Стригли молодых овец. Стригут их раз в год. Через два месяца они вновь обрастают шерстью. Среднее количество шерсти с каждой овцы — 300 граммов. Они тут же складывают ее в тюки, которые затем от них увозят в Сайхан-сомон. Это пастухи второй бригады Сайхан-сомона. Овцы во время стрижки лежат тихо, однако быстро убегают голыми после того, как их отпустят, и прячутся среди других в загоне. В нескольких сотнях метров другая юрта — около нее стадо кобылиц. Туда подъезжаем пить кумыс. Кумыс оказался на редкость вкусным. Тут же в юрте висел *хохур* (кожаный бурдюк для кумыса) на 100 литров. В нем было около 50 литров. Хозяин сказал, что столько его семья выпивает за один день. К вечеру они надаивают новое количество молока, и к утру будет готов новый кумыс.

Лучшими кумысными районами в Монголии считаются: Убурхангайский, Булганский, Гоби-Алтайский. Один из лучших кумысных сомонов — Сайхан-сомон. Семья арата (его имя Пурэвсурэн) состоит из него, его жены и 6 детей, старшему из которых 11 лет, младшему — 1 год. Они пасут сомонный скот — отару в 480 голов овец. Имеют в своем личном хозяйстве 10 лошадей, 20 овец, коров, верблюдов нет. Трое старших детей учатся в школе, зимой живут в интернате в сомонном центре. Сам пастух и его жена круглый год с отарой и зимой тоже живут с нею. Вдвоем справляются со всем этим скотом. Нас снабдили бидоном кумыса, и мы тронулись в дальнейший путь.

В 10 минутах езды от этих юрт находится местность Могой-Шинэ-ус (дословный перевод «новая змеиная вода»). Здесь находятся могильный курган и надгробная стела с надписью на уйгурском языке, воздвигнутая в честь уйгурского кагана Моинчура (VII в). Надпись была впервые издана Г. Й. Рамstedтом, затем ее перевод опубликовал С. Е. Малов. Было и еще несколько переводов, довольно сильно (по словам Шинэхуу) отличавшихся друг от друга. Курган раскопан. Результаты до сих пор не опубликованы. Стела расколота надвое и валяется на земле, доступная всем дождям и ветрам. Мы спрашиваем Шинэхуу, почему ее не везут в музей или в институт. Он говорит, что там не берут — нет места. Объяснение вопиющее. Памятник гибнет. Повален и расколот он был много веков назад, и за 50 лет народной власти в МНР не нашлось времени и места его сберечь.

Погрустив у памятника, двинулись дальше. На подъезде к Хайрхан-сомону долго не решались переправиться через реку Хануй — она разлилась после дождей, и осторожный Миша долго выискивал наиболее безопасную переправу. Наконец, рискнули и благополучно переправились. Но чтобы определить, где глубоко, а где нет, Шинэхуу загонял камнями в реку пасущихся на берегу коров, чтобы те перешли ее и продемонстрировали нам ее глубину. В сомоне Хайрхан мы пообедали, запили обед своим кумысом, зашли в местный магазин и двинулись дальше. Через 60 км проехали сомон Эрдэнэ-Мандал. Мы уже в пределах Арахангайского аймака. На ночевку встали в степи и поставили палатку. Шинэхуу долго отказывался от самой мысли ночевать в ней и хотел идти в какую-нибудь юрту. Но палатку мы все-таки поставили. Вечером отметили первую ночевку в поле. Шинэхуу по-прежнему вздрагивал при каждом упоминании о съеденном барсуке и морщился от отвращения. Спалось тепло, хорошо.

4 августа, среда. Встали в 6 утра. Полтора часа, как ни крути, ушли на завтрак и на сборы, и выехали в путь на Тарят-сомон. По дороге помогли какому-то монгольскому шоферу зарядить от нашей машины его аккумуляторы. Погода прекрасная. Дорога на Тарят-сомон тоже. Эта дорога и сам сомон входят в трассу для интуристов. При переправе через реку Чулут остановились и рассматривали красоты её долины. Обрывистые берега из вулканического туфа, каньон, на дне которого течет бурная река. Хозяева возле переправы не гостеприимны, так как возле них останавливается каждая машина. Поехали дальше.

Эти места называют монгольской Швейцарией. В долине пасется много скота. Над одной половиной долины гремит гроза с молниями, над другой — ясное небо, сияет солнце. Тарят-сомон «порадовал» нас столовой, где нет в данный момент обеда и ожидается через некоторое время только конина. Шинэхуу такая перспектива почему-то не устроила, хотя, как известно, монголы конину едят, правда, намного реже, чем баранину и говядину. У него в сомоне живет брат, и он отправился на его поиски, но брата тоже не оказалось ни дома, ни на работе (он врач в местной больнице) — тот уехал за бараном и еще не вернулся. Мы подъехали к речке, протекающей прямо возле сомона, и устроили себе отличный обед с купанием и рыбной ловлей: купался Марк, ловил рыбу Миша, обед варила я, Шинэхуу грустно бегал по сомону, Галя Слесарчук и Цэрэнханд по мере возможностей помогали мне. Съели рассольник не очень густой и не очень вкусный, я и Миша доели барсука, попили чаю.

Поехали дальше. Через 30 километров очень красивой, но плохой дороги прибыли в бригаду старого Таряата, где находится государственная заправка бензином. Заправились и через 20 км (сделав небольшой крюк в сторону) прибыли в Хангай-сомон на ночевку. Дороги ужасные, залиты водой и грязью. Но сомон сам удивительно красив. Находится он в горной пади, склоны гор покрыты лесом. Вечер был холодный. Хозяйка гостиницы долго не шла, доила своих коров. Но зато, когда она появилась, нас поместили в такой шикарный люкс и накормили такой вкусной лапшой, что все наши страдания быстро забылись. В самой гостинице две комнаты (люкс с прихожей и обычная). Есть еще во дворе юрта для гостей на 20 мест. На всю гостиницу жил один постоялец — сельхозинспектор из Цэцэрлэга, центра Арахангайского аймага, — Цэдэн, выпускник Ленинградского сельхозинститута. Страдает аллергией. Лечится, как и наши, димедролом, альбудином. В частной беседе с Мишей спросил его, как сделать, чтоб был в семье только один ребенок. И пояснил: ну как у русских. В то, что у русских бывает порою побольше детей, чем у монголов, он не поверил.

При гостинице кухня. Только света нет. В углу двора баня, которая сразу же вызвала у нас нездоровое в экспедиции желание помыться, которое реализовать не удалось. Вечером светила полная луна. Было удивительно тепло. Но страшно хотелось спать после раннего утреннего подъема.

5 августа, среда. Встали нормально, без спешки. После вкусной *хурга* с рисом собрались и поехали в Цакир-сомон. По дороге нас ожидал весьма неприятный переезд через бурную мутную после прошедших дождей реку. Подвернувшийся ЗИЛ-131 с монгольским шофером подцепил нас тросом и перевез на другой берег. Так мы обошлись без происшествий.

Возле юрты один монгол другому стриг волосы. Я спросила, не подстригут ли и меня. Сначала отказались — боялись, что испортят прическу или поранят, а потом согласились. Работали ножницами и машинкой и сделали все вполне сносно.

Заехали в бригаду Хангай-сомона. Попали как раз на процедуру проверки крови у коз и сарлыков. Полевая лаборатория: палатки, пробирки, железная печь, на которой кипятятся шприцы. Шинэхуу узнал, что где-то по соседству есть скалы с надписями, и решил проверить, какие. Подъехали к юрте, где живет факторщик (рядом находится и его торговая фактория), попили чаю с молоком сарлыков, осмотрели содержимое его ларька: шкурки тарбаганов, барсуков, бутылки архи, корейские плащи, советские конфеты, зубная паста, монгольские книги. Кое-что у него приобрели. Потом с ним вместе поехали на поиски надписей, о которых стало известно Шинэхуу. Оказывается, что на 14 часов (а было уже почти столько) было назначено партсобрание, и наш проводник вместе с нами поехал отпрашиваться у парторга.

Тот его отпустил, сочтя уважительной причину — сопровождать советских ученых на поиски местных культурных объектов. Пересекли пару речек. Выехали в чудесную долину реки Тэрхийн. Горные склоны по обеим сторонам долины поросли лесом, у подножия гор красивые россыпи камней. Где-то километре на шестом обнаружили трех стоящих каменных «баб». Две рядом и одна метрах в пяти в стороне. У двух первых изображений четко прослеживаются лица и даже их выражения. В руках у старшего (второй помельче) чаша, одежда не похожа на дэли. Все три изваяния сделаны из серого песчаника. Стоящее рядом изображение наш информатор определил как жену первого. На боку первого изваяния кинжал. Общее их по всей Монголии наименование *хун чулуун* ('каменный человек'). В шести километрах на юго-запад оказалось еще одно изваяние. Из белого чистого мрамора. Оно стоит посередине распаханного поля. На его шее четко видно украшение, нож на левом боку, чаша в правой руке. Левая рука сжимает рукоятку ножа (сабли). Ворот одежды стоячий (типа наших свитеров). Отбитая голова лежит рядом. Мы ее подняли и приставили к «телу», а чтобы она снова не упала, закрепили ее с помощью небольших камней. Довольные полученным результатом, все по очереди рядом с нею сфотографировались. Проводник сообщил, что в окрестных местах такого мрамора в горах нигде нет. Только километрах в сорока к северу есть лежащий на склоне горы один кусок такого желто-белого камня. Осмотрев «баб», вернулись в бригаду Хангай-сомона. По дороге насобирали белых грибов. То, что по-монгольски называется *цагаан-муг* ('белый гриб'), не соответствует нашему белому грибу, но это и не шампиньоны, как мы вначале полагали. Это совсем иной гриб — в русских лесах я такого не встречала, Миша тоже. Запах у него как у поганки, но монголы его едят и заготавливают на зиму, а также используют в лечебных целях. Как сказал нам наш проводник, шампиньоны монголы не едят, но заготавливают их для вывоза за границу (интересно, куда).

Вернулись в бригаду. Нас уже ожидал некоторый торговый ажиотаж. Какой-то весьма настырный монгол принес хвост яка (седой, грязный, жесткий и лохматый, очевидно им обметали ноги до этого) и нагло пытался его нам всучить, требуя взамен либо 100 тугриков, либо сапоги хромовые (о наличии

которых у себя обмолвился Миша). Другие, видя такое дело, также налетели и требовали либо кофточки, либо часы или еще что-нибудь. Одним словом, приняли нас за некую торговую факторию. Мы купили 4 литра сарлычьего молока (мяса не оказалось) и отехали к реке варить молочную лапшу. Лапша получилась неудачная, пригорело молоко. К тому же ко времени обеда половина детского и взрослого населения бригады опять оказалась возле нашей машины, и ее любопытство не давало нам возможности спокойно поесть.

Подъехала машина Газ-69 (называемая на экспедиционном языке «козлик»), на ней приехал еще один владелец еще одного ячьего хвоста (до этого в бригаде он просил за него 30 литров бензина), но, видя такое столпотворение возле нас, уехал. Судя по всему, Миша с ним сторговался втайне от меня. Нам предстоял большой обходной маршрут из-за наводнения и бензина могло не хватить и самим. После обеда мы выехали в путь на сомон Их-уул. Проехали очень трудный и очень холодный перевал. На вершине его дул ледяной ветер, сыпал немного снег, но, несмотря на это Миша, Шинэхуу, Цэрэнханд и я облазили все обо (монг. *овоо*) и собрали все деньги, которых оказалось не так уж много, чуть более четырех тугриков мелочью и купюрами, свято соблюдая заповедь Бадамхатана: «Деньги должны находиться в обороте, а не валяться на дорогах». Это он постоянно внушал мне в 1969 г. — в наш первый сезон работы экспедиции.

Весь горный массив и долина, по которой мы ехали, спустившись с перевала, удивительно красивы: лес, горная река гремит внизу под дорогой, крутые обрывы. Мне это все напоминало Бурятию, Мише — Алтай. По склонам вдоль всего пути стоят заграждения от снега: деревянные столбики и приставленные к ним загородки — господа, да что они могут удержать. Ненадолго остановились у реки, посидели в кустах с целью ликвидации последствий молочной лапши. Хорошо чувствует себя только Галя, остальных пучит и несет. Через полчаса уже темнеет. Доезжаем до бригады Их-уул сомона и узнаем, что центр сомона перенесен еще на 20 км вдаль. Так что всего нам ехать не 20 км, как мы предполагали, а целых 40. Тут же решаем остановиться и ночевать на берегу — к величайшему негодованию Шинэхуу, который требует, чтобы мы немедленно ехали дальше, хоть всю ночь, но чтобы доехали до сомона. Возникает ссора между Мишей и Шинэхуу. Миша заявляет, что он не лошадь, а Шинэхуу — Мише, что тот медленно ездит и людей не бережет. Наконец, все уgomонились, вскипятили чай, поставили палатку и улеглись. Ночью к нам «в гости» пришел дикий кот манул. Мы оставили кастрюли с остатками еды рядом с палаткой, и он проверял их содержимое, нельзя ли кое-чем поживиться. Ничего интересного не нашел и потому злобно выл, совсем не так, как домашние коты. Все по очереди (я, Галя, Марк и, наконец, Шинэхуу) его гоняли. Шинэхуу ушел из палатки и долго не возвращался. Предмет шуток — не съела ли его дикая кошка.

6 августа, пятница. Утром попили чай и двинулись в путь. Через 20 км — бригада сомона Их-уул. Зашли в магазин — отоварились: я — полотенцем, Марк — конфетами, Шинэхуу — одеждой и обувью для детей, Цэрэнханд — майкой. Все довольны.

Двинулись на сомон в надежде там пообедать. Еще 28 км до нового центра сомона. Там узнаем, что столовая у них не работает. Решаем попить по дороге в юрте чаю, а пообедать в сомоне Шинэ Идэр. По дороге заходили в юрту — ее

хозяин оказался бывшим ламой, за что он 10 лет сидел в тюрьме. Его бывший монастырь — в Тосон-Цэнгэле, и был он в нем простым ламой. У него в юрте отличный алтарь и горит лампада. Стоит несколько небольших бурханов. Спросила, есть ли у хозяина свой личный сахьюс — он ответил: нет. В юрте его нестандартный *тооно* (нефабричного производства), *чагтга* натянута по прямой линии и не образует дуги в виде бараньего желудка. На вопрос, почему у него так, он ответил, что можно и так, и вовсе не обязательно в форме бараньего желудка. В соседней юрте бабушка предложила нам отличный тарак и свежее сарлычье молоко. После молочных приключений вчерашнего дня все пили его очень осторожно. В юрте бабушки *чагтга* также натянута по прямой линии и *тооно* тоже нестандартный. Поехали дальше.

Прибыли в сомон Шинэ-Идэр. Традиционный маршрут: магазин — гостиница — столовая. В магазине немецкие духи в отличной упаковке (6 тугриков всего) — монголы их с восторгом раскупают. Довольно неплохой выбор верхнего трикотажа. В продовольственном магазине уже не первый раз видим томатную пасту в банках — никто здесь ее не берет, и какой-то очень старый вьетнамский кофе в пачках. Гостиница закрыта. Хозяйка у себя дома в юрте. Шинэхуу поехал к ней, устыдил ее, что она в рабочее время не на работе, привез в гостиницу и заставил варить обед. Пока варился обед, мы гуляли по окрестностям гостиницы. Рядом сквер. В нем две статуи: верблюд и по виду натуральная римская волчица, вскормившая Ромула и Рэма, которая при ближайшем рассмотрении оказалась лошадью. Впрочем, она еще не доделана, может быть, по завершении скульптуры волчица превратится в настоящую лошадь.

Для нас специально открыли сомонный исторический музей. В нем три отдела: исторический, краеведческий и современный. В историческом (как и в Сайхан-сомоне) различные предметы быта и ламаистского культа, собранные у местных жителей. Представлены ламаистские музыкальные инструменты: *бурэ* (раковина), *цан* (металлические тарелки), *ганлин* (трубы) и др. Представлены шесть типов шапок ламаистского духовенства (среди них даже, кажется, шапка хубилгана). Тут же лежит учебник тибетского языка на монгольском языке и краткая история Нийслэл-хурэ — главного местного монастыря на территории бывшего хошуна.

Вообще на нынешней территории сомона Шинэ-Идэр было 4 религиозных точки: Нухтын-хурэ, Чандамань-сумэ, Улзий-сумэ и еще дуган, название которого не сохранилось. Сейчас, конечно, ничего нет. В историческом отделе висит одежда, представлены этнографические мелочи быта (табакерка-*хорог* и футляр для нее, но опять-таки не такой, как обычно). В краеведческом отделе чучела животных местного края: барсука (*дорго*), лисы обычной, маленькой степной лисы — корсака, зайца, колонка (*солонго*) и других мелких животных, а также чучело дикого кабана. Выставлен и таймень.

В современном отделе: фотографии передовиков сомона, портреты деятелей партии и правительства; фигурки из дерева, вырезанные местным мастером Чимидом. Им же сделана замечательная очень живая маска старика из папье-маше. После осмотра музея бежим в гостиницу обедать. Хозяйка уже устала нас ждать. Все готово и остывает. Чудесная свежая лапша на первое, жареная *хурга* (молодой барашек) — на второе. Хлеба дали к обеду, но нам в дорогу дать с

собой не смогли — у них нет своей пекарни. Обед оказался очень дешевым. Первое и второе блюдо, чай и хлеб вместе — 3,70 тугрика с человека. Поехали дальше. Остался последний участок до Мурэна — 170 км. Из них желательно 70 км проехать сегодня, чтобы завтра в первой половине дня въехать в Мурэн. Завтра суббота, и со второй половины дня никого не будет на рабочих местах. Отъехали всего 20 км, поднялись на высокую гору за озером Зун-нур и на самой высокой плоской части горы увязли в болоте.

Судя по карте, местность называется Шивэртэй-холой. Часа два вытаскивали машину, подкладывали камни под колеса. Вокруг вода, ноги в сапогах погружаются почти по край сапога. Наши пассажиры — Марк и Галя — в легких туфельках сидят в кузове, дают советы. Работают только участники отряда. Когда вылезли, было уже темно. Заночевали недалеко от болота, палатку ставить не стали, легли среди деревьев на палатку и два брезента все рядышком. Ночь была теплая, светила полная луна, спать было тепло. Перед тем как машина увязла в болоте, разразилась неприятная история: Миша опять сцепился с Шинэхуу. Стояла страшная ругань из-за дорог: как и где их надо спрашивать и куда и как надо ехать. После этого Шинэхуу жаловался Гольману на Мишу и на невыполнение им своей программы из-за того, что Миша «неправильно» ездит, не по тем дорогам, которые он, Шинэхуу, ему указывает.

Марк сказал, что дело серьезное, что Шинэхуу хочет из Мурэна лететь самолетом в Улан-Батор, так как работать с нами невозможно и выполнить программу он не сможет.

7 августа, суббота. Встали, быстро сложили вещи и, не пивши и не евши, двинулись в путь, до ближайшего сомона — 70 км, там поедим. Вчерашнее злополучное место благополучно объехали по верху. Проехали еще один подъем и спуск, въехали в долину и во время объезда размытой дороги опять увязли в трясине. Трясина пружинила под ногами, машина погружалась все глубже. Невдалеке мы усмотрели юрту и пошли туда с Шинэхуу. Там оказался целый айл из 5 юрт, отара овец и коз, несколько сарлыков, хайныков, лошадей. Айл подчинен одной из бригад сомона Шинэ-Идэр. Тут шла комплексная работа по обработке продуктов скотоводства: женщины доили овец и коз, возле одной из юрт шла обработка кож (их мяли и трясали). Тут же лежали уже готовые шкуры, сложенные в кучу и упакованные для отправки в сомон. В юртах (внутри и снаружи) сушится *арул*, лежит сыр *бяслэг*. Мы поговорили с хозяином, рубившим дрова, объяснили ему ситуацию, он обещал организовать двух быков — хайныков, чтобы вытащить нашу машину.

В юрте он варил самогон. Тут же при нас снял бочку с котла (*тогоон*). В самом тогоне находились остатки молока, после его перегонки со смесью тарака. Эта смесь называется *цагаа*. Она очень ценится за свои полезные качества. Я и Шинэхуу выпили по пиале этой жижи — она очень кислая. Затем я наблюдала любопытную сцену, как наш хозяин Намнандорж и Шинэхуу ловили хайныка-быка. Тот только что покрыл корову, как его схватили петлей за ногу и оттащили от неё. Вполне закономерно, что он остался очень недоволен. Хайныка привязали, хозяин пошел искать лошадь, чтобы ехать километра за три в другой айл за вторым быком. Я пошла к нашей машине. Там всю варился

завтрак из риса и сомалийской тушенки. Миша и Марк тащили из лесу бревно, необходимое для поднятия машины.

Вскоре появились Намнандорж, бык и Шинэхуу. Затем и еще один бык и хозяин его. И пока мы с Цэрэнханд мыли посуду, два быка единым рывком вырвали машину из трясины. Немного погревшись на солнце и посушив свои вещи, мы отправились в айл, где и решили провести всю вторую половину сегодняшнего дня, переночевать, а завтра с утра рвануть на Мурэн. Разбили палатку, просушили мешки, потом пошли к Намнандоржу с дарами. Отнесли ему бутылку разбавленного на 50 % спирта и игрушки детям. Нас угостили тараканом и отличным слегка подсоленным чаем с молоком, в придачу с бяслегем, сахаром, арулом, урюмом. Хозяин хотел распить наш разведенный наполовину спирт, но мы попросили его собственного самогона. Он по очереди обносил нас одной чашей и каждый из нас, сделав по глотку (таков обычай), возвращал пиалу ему. Этот айл представляет собой один из 23 овечьих пунктов (*суурь*) одной из бригад сомона Шинэ-Идэр. Кроме того, в их бригаде есть еще 1 суурь конный и 1 — хайныков и сарлыков. Средняя норма на 1 человека — обслуживание 80 овец, обработка получаемых от них молока и шерсти. Всего в этом пункте 400 овец на 5 человек. Никаких других принадлежащих сомону животных у них нет. Лошади, сарлыки, хайныки и коровы у них свои. Все эти 5 человек — родственники между собой.

У нашего хозяина два сына, 7 и 2,5 лет. Последний еще не прошел первую стрижку волос и потому ходит с длинными волосами, стянутыми на голове в пучок. Пока мы были в юрте, туда набилось почти все население данного суура. Все они выпили с нами, посидели, посмотрели на нас и ушли по своим делам. Мы пошли «домой», т. е. в свой лагерь. Миша и Шинэхуу остались торговать козу, чтобы сделать одно из самых вкусных блюд монгольской кухни. Козы своей у хозяев не оказалось, только принадлежащие сомону. Их они продавать отказались. За барана они просят 100 тугриков — это много. Мы его брать не стали. В лагере все занялись стиркой и починкой собственной одежды. Однако вечер подарил нам набор неожиданных удовольствий. Во-первых, костер, который по всем правилам подмосковного туризма запалил Марк (сухой лиственницы возле нашего лагеря было достаточно, так как мы разбили лагерь на опушке прекрасного лиственного леса). Во-вторых, Шинэхуу в другой юрте приобрел за 60 тугриков трехлетнего козла и прямо на наших глазах его зарезал по всем правилам монгольского убийства животных — бедный козел даже не пикнул. Потом молниеносно его освежевал, засыпал куски мяса в 40-литровую флягу, которую мы возили для воды, добавил лука и чеснока, засыпал все это раскаленными камнями (мы их около часу продержали в костре), долго тряс, валял, катал по земле эту флягу — из неё валил пар, доносилось шипение, в ней все гудело и грохотало. Это блюдо называется *хорхог* — нечто изумительное по вкусу. Наваристый соленый бульон, отлично пропекшиеся куски мяса. И все это запивалось чаем с дымком. К тому же было полнолуние, и в нашей тихой спокойной лощинке под полной круглой луной мы сидели у костра и ели козлятину, забыв обо всех неприятностях последних дней. Кишки, голову, шкуру забрал себе наш хозяин и благодетель Намнандорж. Спросили его про оленные камни, которые мы видели по дороге в местности Зун-гол третьей бригады сомо-

на Бурэн-Тогтох — 6 оленных камней (4 в стоячем, 2 — в упавшем положении), но он про них ничего не знал.

8 августа, воскресенье. Встали в 7 часов. Сделали кофе с сарлычьим молоком, подогрели куски козла, еще не доеденного со вчерашнего дня. После сытного завтрака шло долгое и обстоятельное умывание в речушке. Миша пошел в юрты, где за банку варенья ему пришили шкуру барана на наше экспедиционное обмундирование, чтобы у него не мерзла спина. Наконец, около 10 часов мы все-таки двинулись в путь. До Мурэна примерно 150 км. Болот больше не было, был лишь крутой перевал, после чего мы вышли на дорогу, по которой одна за другой шли бензовозы. Тут мы получили наглядный пример монгольского легкомыслия. На дороге огромная груженная грузовая машина завязла задним колесом и почти завалилась на левый бок. Водитель отказывался разгрузить машину, чтобы она не завалилась, и не хотел, чтобы его тащили назад, хотя это было единственным возможным путем к разрешению ситуации. По дороге видели в горах несколько заброшенных штолен, где добывали строительный камень. Сделали остановку возле обо. Собрали все деньги, валявшиеся там. Миша и Шинэхуу так при этом старались, что Миша здорово стеклом порезал себе палец, а Шинэхуу, забравшись среди кольев шатра, возвышавшегося над обо, застрял там и долго не мог вылезти.

В 15 часов подъехали в переправе через реку Дэлгэр Мурэн. Маленький скрипучий паром перевозил и машины, и коней, и людей. Шинэхуу сообщил, что переправа стоит 2 тугрика с человека и 12 тугриков за машину. То ли в целях экономии, то ли ради эпатажа собравшейся на берегу толпы Гольман разделся догола, сунул нам в руки свою одежду и поплыл через реку. На обоих берегах стояли изумленные зрители, а потрясенный таким зрелищем паромщик забыл с нас взять деньги. Через полчаса въехали в Мурэн, подъехали к аймачной гостинице. У входа в нее увидели американского ученого Оуэна Латтимора и монгольского ученого Далая. Они ждали машину и с минуты на минуту должны были отправиться в Бурэн-Тогтох (и действительно отправились). Устроились в номера. Я и Цэрэнханд в одном четырехместном, Шинэхуу и Миша — в другом четырехместном. Галя и Марк в отдельном двуспальном люксе. Пообедали в столовой при гостинице. Потом устроили импровизированную баню, так как городская на ремонте. Нагревали кипятильником один чайник за другим, и женщины мыли по очереди себя сверху и снизу. Миша только побрился, Марк вымыл голову в гостинице, а все остальное, как он сказал, было вымыто в реке. Вечером был прощальный ужин, а может быть даже банкет. Женщины по этому случаю влезли в свои лучшие платья, мужчины либо побрились, либо надели чистые рубашки и отшлифовали свои бороды. На «обошные» деньги купили бутылку водки, доели козла, съели и выпили еще некоторые запасы Марка и Гали. Много хохотали, потом разошлись по номерам и отлично выспались после мытарств последних дней.

Встреченный нами в столовой начальник геологической партии Зайцев Николай Сергеевич сообщил нам, что вследствие наводнения здесь все кругом непроходимо и по обходной дороге наша машина ГАЗ-51 не пройдет. Миша опять на этой почве поцапался с Шинэхуу, который утверждал, что наша машина там пройдет так же, как проходят другие.

9 августа, понедельник. Утром позавтракали в люксе у Гали и Марка, потом Шинэхуу помчался в банк и получил экспедиционные деньги, которые, как ни странно, пришли. Затем мы все отправились в краеведческий музей Мурэна. В нем те же разделы, что и везде (природа, история, современность). Ламаизма ни в каком виде не было. Директор музея Жамба сказал, что все, что касается религии, находится в специальном фонде, разбросанном по разным местам, что они готовят специальное здание под религиозную экспозицию, тогда и будут ее показывать, но и то не всем, а избранным. Карту бывших монастырей района он мне не разрешил перерисовывать. Но зато в музее есть описи достопримечательностей, имеющих в каждом сомоне: надписи, каменные бабы, оленные камни — приблизительное место их нахождения, от кого поступили сведения и т. д. Марк и Шинэхуу дружно на эти сведения налегли. Сам директор Жамба занимается изучением истории ламаизма в местном крае и собирается написать об этом книгу. В крае было около 60 сумэ, хурэ, дуганов и т. д., так что есть о чем писать.

Сейчас только в Жаргалант-сомоне сохранились развалины одного хурэ. Территория Хубсугульского аймака делилась на Богдын шавь хошун (куда входила Дархатская котловина) и Далай-гун хошун. На территории Богдын шавь хошуна находились следующие обо: Бурэн-хан и Дэлгэр-хан уул. Они «обслуживали» территорию проживания дархатов — сомоны Ханх, Ринчин-лхумбэ и Улаан-уул. В хошуне Ахай бёё было обо Цагаан Арбулак чулуун. На территории хошуна Далай-гуна были следующие обо: Уран-Даш-обо, Хайрхан-обо, Их уул-обо, Дэрчин-обо — это в местности Бурэн-тогтох и Тумур-булак. Всех обо, являющихся местом ламаистского культа, в Хубсугуле было около 100. Мест, связанных с культом Чингис-хана и Гэсэра, в Хубсугуле не было. Оставили свою надпись в книге отзывов. Перед нами как раз отзыв Латтимора, написанный на старомонгольской письменности. Интересно, многие ли могут сейчас в Мурэне прочесть и понять такой текст — кроме ученых, мало кто владеет этой письменностью. После музея пошли в русский магазин. В Мурэне живет около 100 семей русских, которые работают в стройтресте: строили больницу (самое высокое и самое шикарное здание города) и промкомбинат. Он уже пущен в эксплуатацию, так что стройтрест здесь заканчивает свою работу, русские уезжают, а в магазин не поступает новых товаров. Остатки распродают по специальным талонам *бичигам*. У ворот магазина стояла как обычно толпа монголов, жаждущих попасть внутрь, но никого из них не пустили. Нас, впрочем, тоже, так как бичига у нас не было. Поели в русской столовой родные щи, котлеты и компот. Цэрэнханд и Шинэхуу сделали вид, что им вкусно. Ох уж это несовпадение пищевых культурных кодов. А мне, между прочим, монгольская еда очень нравится.

Потом вернулись в гостиницу, сложили вещи, погрузились и двинулись в путь на Цэцэрлэг-сомон — по той самой южной дороге, где ГАЗ-51, как говорят геологи, пройти не может. Посмотрим! Проныра Шинэхуу опять нашел какую-то пассажирку, которой надо в Цэцэрлэг. Говорит, что она хорошо знает дорогу. Но девушка, как выяснилось, никакой дороги не знала. Сейчас 5 часов вечера. Уже полчаса мы стоим на переправе и ждем своей очереди. Остались две машины и 65 км пути до сомона Баян-Тогтох, где мы будем ночевать и где сейчас,

очевидно, чувствуют Латтимора. В пути нас застал сильный дождь. В сомоне Баян-Тогтох ко времени нашего приезда все уже разошлись по юртам и домам, а Латтимор уехал назад в Мурэн. Нашли хозяйку. Она определила нас на постой и ушла, обещав прислать повариху. Внезапно явились гости: заместитель сомонного дарги и начальник отдела кадров сомона. Они уже были навеселе после приема Латтимора. Очевидно, у них было желание продолжить это дело. Но, увидев наши усталые физиономии, они охладели к нам как к возможным собутыльникам. Тем не менее, заместитель дарги послал с мальчиком две записки: за кумысом и за поварихой. Прибыло и то, и другое. Мы разогрели свою козу — остатки хорхога, запили ее чаем и легли спать. Утром выяснилось, что заместитель дарги даже велел не брать с нас денег за постой.

Литература

- Жуковская 2018 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–13. DOI:10.22162/2500-1523-2018-3-4-13
- Жуковская 2019а — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций) Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 1. С. 116–133. DOI:10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Жуковская 2019б — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 206–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Жуковская 2019в — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября – 26 октября) // Монголоведение. 2019. № 3. С. 564–582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582
- Жуковская 2020 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1970 год — второй сезон. Дневник этнографического отряда (13 августа – 2 сентября 1970 г.) // Монголоведение. 2020. № 1. С. 154–171. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171
- Жуковская 2021 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1970 год — второй сезон. Дневник этнографического отряда (продолжение: 16 сентября – 28 сентября 1970 г.) // Монголоведение. 2021. № 2. С. 260–273. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-260-273

References

- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian History and Culture Research Expedition: 1969, the first two weeks of works (Celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). *Mongolian Studies*. 2018. No. 3. Pp. 4–12. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-4-12
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance). *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 116–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the

- ethnography research team (continuation: September 15–23). *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 206–222. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th anniversary of Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance: 27 September – 26 October). *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 564–582. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 – season two. Diary of the ethnography research team (August 13 – September 2, 1970). *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 154–171. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 – season two. Diary of the ethnography research team (continuance: September 16 – September 28, 1970). *Mongolian Studies*. 2021. No 2. Pp. 260–273. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-260-273